

Информация для цитирования:

Филатов А. В. Трансформация образа звездного неба в художественных и эго-документальных текстах Н. С. Гумилева периода Первой мировой войны / А. В. Филатов // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 9. — С. 303—318. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-303-318.

Filatov, A. V. (2024). Transformation of Celestial Imagery in Artistic and Ego-Documentary Texts of Nikolai Gumilev During World War I. *Nauchnyi dialog*, 13 (9): 303-318. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-303-318. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Трансформация образа звездного неба в художественных и эго-документальных текстах Н. С. Гумилева периода Первой мировой войны

Филатов Антон Владимирович ^{1,2}

orcid.org/0000-0001-6683-9376

кандидат филологических наук;

¹ доцент кафедры теории литературы;

² старший научный сотрудник

avphilatov@yandex.ru

¹ Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

² Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01239 «От факта к художественному образу — осмысление Первой мировой войны в творчестве прозаиков и поэтов — А. Н. Толстого, Н. С. Гумилева, С. А. Есенина, В. В. Маяковского, И. Э. Бабеля», <https://rscf.ru/project/23-28-01239/>

Transformation of Celestial Imagery in Artistic and Ego-Documentary Texts of Nikolai Gumilev During World War I

Anton V. Filatov ^{1,2}

orcid.org/0000-0001-6683-9376

PhD in Philology;

¹ Associate Professor of the Department of Literary Theory;

² senior research scientist
avphilatov@yandex.ru

¹ Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

² A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported by Russian Science Foundation (A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences), project number 23-28-01239 “From fact to artistic image — rethinking the First World War in the works of prose writers and poets — A. N. Tolstoy, N. S. Gumilev, S. A. Yesenin, V. V. Mayakovsky, I. E. Babel”, <https://rscf.ru/project/23-28-01239/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена анализу мотивно-образного комплекса звездного неба в стихотворениях, автобиографической прозе, а также письмах Николая Гумилева, созданных во время Первой мировой войны. Целью исследования является установление генетических связей между текстами различной природы, рассмотрение которых позволит показать, как война повлияла на мировоззрение поэта и эстетико-философские принципы его творчества. Материалом исследования стали стихотворение «Священные плывут и тают ночи...», четвертая часть «Записок кавалериста», а также фронтовые письма поэта, адресованные А. А. Ахматовой и Л. М. Рейснер. Новизна работы заключается в том, что названные произведения не включались Гумилевым в прижизненные издания, а потому редко попадали в поле зрения исследователей и недостаточно изучены в сравнительно-генетическом аспекте. Выдвигается предположение, что данные тексты обладают общей биографической основой, поскольку воспроизводят одну и ту же ситуацию наблюдения за звездным небом во время военного привала. В результате установлено, что исследуемый комплекс обладает в художественной системе Гумилева амбивалентной семантикой, восходящей к акмеистической и символистской трактовкам, что говорит об эволюции взглядов поэта, отходящего в период войны от ранее провозглашенных эстетико-философских принципов.

Ключевые слова:

Николай Гумилев; Первая мировая война; военная лирика; *Записки кавалериста*; звездное небо; созвездие.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article focuses on the analysis of the motif and imagery complex of the night sky in the poetry, autobiographical prose, and letters of Nikolai Gumilev created during World War I. The aim of the study is to establish genetic connections among texts of various natures, examining how the war influenced the poet's worldview and the aesthetic-philosophical principles of his work. The materials under investigation include the poem "Sacred Nights Drift and Fade...", the fourth part of "Notes of a Cavalryman," as well as frontline letters addressed by the poet to Anna Akhmatova and L. M. Reisner. The novelty of this research lies in the fact that these works were not included by Gumilev in his lifetime publications, thus rarely coming to the attention of scholars and remaining insufficiently studied from a comparative-genetic perspective. It is proposed that these texts share a common biographical foundation, as they reproduce a similar situation of observing the night sky during a military lull. The study concludes that the examined complex possesses an ambivalent semantics within Gumilev's artistic system, drawing upon both Acmeist and Symbolist interpretations, indicating an evolution in the poet's views as he distances himself from his previously proclaimed aesthetic-philosophical principles during the war.

Key words:

Nikolai Gumilev; World War I; military lyricism; Notes of a Cavalryman; night sky; constellation.

УДК 821.161.1Гумилев.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-303-318

Научная специальность ВАК

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Трансформация образа звездного неба в художественных и эго-документальных текстах Н. С. Гумилева периода Первой мировой войны

© Филатов А. В., 2024

1. Введение = Introduction

В творчестве Н. С. Гумилева периода Первой мировой войны (1914—1918) важное место занимают произведения, посвященные военным событиям и отражающие фронтовые впечатления поэта-акмеиста, отправившегося в армию добровольцем в августе 1914 года. Помимо стихотворений, многие из которых вошли в книги стихов «Колчан» (1916) и «Костер» (1918), в это время он создает автобиографические «Записки кавалериста», пробуя себя в роли корреспондента газеты «Биржевые ведомости», а также посылает письма с фронта друзьям и родным, рассказывая об увиденном и пережитом. И хотя Гумилев, в отличие от многих современников, не написал книги стихов, посвященной исключительно войне, исследователи отмечают эстетическую целостность корпуса его военных стихотворений, обладающих единством как на идейно-тематическом, так и на мотивно-образном уровнях [Зобнин, 1994; Колоколова, 2013; Тарасова, 2015], а также указывают на документальный характер его фронтовой прозы [Степанов, 2014, с. 46; Филатов, 2024], что в то же время не отменяет ее художественных черт [Успенский, 2017].

Решение отправиться на фронт вполне отвечало и личным качествам Гумилева, и эстетико-философским принципам акмеизма. Этот поступок соответствовал не только «мужественно твердому и ясному взгляду на жизнь» [Гумилев, 2006, с. 147], как определил поэт один из принципов нового литературного течения, но и формулировке его соратника С. М. Городецкого, видевшего в акмеизме «борьбу за этот мир, звучащий, красочный, имеющий формы, вес и время, за нашу планету Землю» [Городецкий, 1913, с. 48]. Именно в этом состояла художественная задача поэта как «нового Адама» — дать имя всем явлениям земного мира и тем самым воплотить в слове все сущее (напомним, что от имени библейского прародителя образовано альтернативное название литературного течения — адамизм). Начало войны логически развило эту концепцию: теперь поэт-акмеист дол-

жен был бороться за реальный мир не только словом, но и делом, защищая родную землю от неприятеля.

В связи с этим творчество Гумилева военного периода, включающее его прозу, поэзию, а также эго-документальное наследие, нуждается в комплексном изучении, позволяющем выявить общие черты поэтики и художественной философии поэта в аспекте его отношения к войне как событию в мировой истории и в жизни отдельной личности. В то же время такое рассмотрение должно учитывать более широкий контекст гумилевского творчества, в особенности — его акмеистическую программу и ее художественные принципы.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования является ряд текстов Гумилева, созданных в период Первой мировой войны и содержащих общий мотивно-образный комплекс звездного неба. Это стихотворение «Священные плывут и тают ночи...», четвертая часть «Записок кавалериста», а также фронтовые письма поэта, адресованные А. А. Ахматовой и Л. М. Рейснер. На наш взгляд, данные тексты генетически связаны между собой и обладают общей биографической основой, поэтому их сравнительный анализ позволит увидеть, как война повлияла на мировоззрение поэта и эстетико-философские принципы его творчества. Интересующие нас художественные произведения были впервые опубликованы в газетной периодике военных лет и не переиздавались Гумилевым при жизни. Как и личные письма, они были недоступны широкому читателю и редко попадали в поле зрения исследователей, в связи с чем интертекстуальные связи между ними до сих пор не рассмотрены в обозначенном аспекте. Обращение к произведениям различной жанровой природы также позволяет продемонстрировать, как конкретный элемент поэтической системы Гумилева — образ звездного неба — может преодолевать границы художественного и использоваться автором в эго-документальных текстах, меняя свои функции в соответствии с задачами конкретного жанра.

Важность обращения к такому традиционному и широко распространенному в мировой литературе художественному образу, как звездное небо, в случае с Гумилевым объясняется прежде всего эстетико-философским диалогом символизма и акмеизма. Как отмечает Л. Г. Кихней, «в символистской поэтике невоплотимые сущности принято передавать образами, несущими в себе семантику неба и света. Зори, закаты, восходы, солнце, звезды, туманы — это знаки *иных* миров. Бинарная оппозиция “верха” (неба) и “низа” (земли) лежит в основе многих символистских текстов. При этом запредельное бытие, “небо” — безусловная ценность, земное бытие — относительная.

Последнее — тленно, временно и является только слепком истинного, вечно-го, в конечном счете, более реального бытия» [Кихней, 2001, с. 15]. Полемизуя с символизмом, акмеисты полностью переосмысливают этот образ: они «как бы вступают с символистами в диалог и, в конечном итоге, отказываются последним в сакрализации неба. Так, у раннего Мандельштама “небо” чаще всего сопровождается негативно окрашенными эпитетами и сравнениями со значениями “мертвенности”, “пустоты”...» [Кихней, 2001, с. 15].

И хотя Гумилев не был столь категоричен в художественной трактовке данного образа, звездное небо уже в его акмеистическом манифесте, как замечает Ю. В. Зобнин, осмысливается в русле философии И. Канта, в трудах которого оно всегда выступает «наглядным доказательством ограниченных возможностей познавательной деятельности человека» [Зобнин, 2020, с. 369]. Споря с символизмом, Гумилев заявляет: «Вся красота, все священное значение звезд в том, что они бесконечно далеки от земли и ни с какими успехами авиации не станут ближе» [Гумилев, 2006, с. 149]. Поэт уверен, что любые попытки познать непознаваемое, «дотянуться до звезд» не только напрасны, но и «нецеломудренны». Неудивительно, что своей первой акмеистической книге стихов он дает название «Чужое небо» (1912), одновременно подчеркивая ее экзотическую тематику и демонстрируя свою приверженность земному началу.

Тем не менее мистический ореол звездного неба, вопреки акмеистическим установкам, не потерял для поэта своей эстетической привлекательности. В ряде произведений, написанных в 1914—1916 годах, данный образ становится центром устойчивого комплекса, включающего также мотивы войны и смерти. Таковы, в частности, стихотворения «Смерть» и «Пятистопные ямбы» второй редакции, вошедшие в книгу стихов «Колчан», в которых отчетливо явлено православно-христианское мировидение поэта, ср: «И счастьем душа обожжена / с тех самых пор; веселием полна, / И ясностью, и мудростью, о Боге / *Со звездами* беседует она» [Гумилев, 1999, с. 86].

Несколько иначе этот комплекс функционирует в произведениях, не вошедших в авторские сборники поэта, на которых мы остановимся подробнее. Тот факт, что Гумилев все чаще обращается к звездному небу в его символистском понимании именно в период Первой мировой войны, на наш взгляд, говорит об эволюции его эстетико-философских взглядов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Провиденциальная семантика звездного неба в стихотворении «Священные плывут и тают ночи...»

В стихотворении «Священные плывут и тают ночи...», опубликованном 1 февраля 1915 года в газете «Биржевые ведомости» и написанном, вероят-

но, в конце 1914 года, также присутствует интересующий нас мотивно-образный комплекс, который в измененном виде встречается и в других текстах Гумилева, созданных в военный период. Лирический герой стихотворения, находящийся на фронте, размышляет о постоянной близости смерти на войне и о том, как эта пограничная ситуация влияет на его мировосприятие:

Священные плывут и тают ночи,
Прносятся эпические дни,
И смерти я заглядываю в очи,
В зеленые, болотные огни.

Она везде — и в зареве пожара,
И в темноте, неожиданна и близка,
То на коне венгерского гусара,
А то с ружьем тирольского стрелка.

Но прелесть ясная живет в сознание,
Что хрупки так оковы бытия,
Как будто женственно всё мирозданье,
И управляю им всецело я. <...> [Гумилев, 1999, с. 56]

Как видим, опасность быть убитым не страшит гумилевского героя, а, напротив, заставляет острее почувствовать свою связь с земной реальностью и «с особой остротой ощущать ценность каждого момента бытия» [Букарева и др., 2020, с. 38]. В свою очередь «хрупкость» мироздания побуждает поэта вспомнить трех современниц, творчество которых укрепляет его уверенность в бессмертии своей души: пианистку И. А. Энери (Горяинову), балерину Т. П. Карсавину и, конечно же, супругу — поэтессу А. А. Ахматову:

<...>
А ночью в небе древнем и высоком
Я вижу записи судеб моих
И ведаю, что обо мне, далеко,
Звонит Ахматовой сиренный стих.

Так не умею думать я о смерти,
И все мне грезятся, как бы во сне,
Те женщины, которые бессмертье
Моей души доказывают мне. [Гумилев, 1999, с. 56—58].

Здесь нас прежде всего интересует предпоследняя строфа, в которой астрологическая метафора «записи судеб» логично прочитывается как указание на узоры созвездий, глядя на которые герой узнает, что ждет его в будущем, то есть фактически «всецело управляет» своей судьбой; в частности, поэту становятся ведомы обращенные к нему стихи Ахматовой. На первый взгляд, эпитет «сиренный», отсылающий к демоническим полуженщинам-полуптицам из античной мифологии, которые заманивали моряков своим сладким пением на опасные скалы и затем жестоко убивали, имеет негативную, мортальную семантику, а потому не сулит герою стихотворения ничего хорошего. Однако, как отмечает А. Ф. Лосев, уже «в классической античности дикие хтонические с<ирены> превращаются в сладкоголосых мудрых с<ирен>, каждая из которых сидит на одной из восьми небесных сфер мирового веретена богини Ананке» [Лосев, 1988, с. 438]. Как видим, в поздней традиции сирены не только утрачивают черты опасных чудовищ, но и становятся спутницами самой богини судьбы, следовательно, могут обладать даром предвидения. Гумилев таким образом говорит о родстве поэтического и пророческого даров, которые сближают его, читающего свое будущее по звездам, с Ахматовой, воспевающей его судьбу в своих стихах. В связи с этим вполне правомерно выдвигаемое исследователями предположение, что стихотворение «Священные плывут и тают ночи...» является ответом Гумилева на посвященную ему лирическую миниатюру «Твой белый дом и тихий сад оставляю...» (1913): «Тебя, тебя в моих стихах прославлю, / Как женщина прославить не могла. / И ты подругу помнишь дорогую / в тобою созданном для глаз ее раю...» [Ахматова, 1998, с. 152, 764; Леонтьева, 2017, с. 128].

Итак, учитывая жизнеутверждающую тональность стихотворения Гумилева, можно полагать, что звезды предсказывают герою, что он не погибнет на войне; соответственно, заявленный в первой строфе мотив смерти преодолевается уверенностью поэта, что опасность обойдет его стороной. Примечательно, что в начале войны сам Гумилев, как и его лирический герой, верил, что ему удастся избежать смерти. Об этом свидетельствует недатированное фронтовое письмо поэта Ахматовой, отправленное, как удалось выяснить Е. Е. Степанову, в конце ноября 1914 года из Польши: «Мы, наверно, скоро опять попадем в бой, и в самый интересный, с кавалерией. Так что вы не тревожьтесь, не получая от меня некоторое время писем, *убить меня не убьют* (ты ведь знаешь, что поэты — пророки), а писать будет некогда» [Степанов, 2019, с. 90] (здесь и далее курсив наш. — А. Ф.). При вполне понятном «успокоительном» тоне письма с фронта, адресованного жене и родным, все же нельзя исключать собственной уверенности Гумилева, по крайней мере, на тот момент, что он вернется с войны жи-

вым (стихотворения «Рабочий» (1916), «Я и Вы» (1917) и «Заблудившийся трамвай» (1919), в которых лирический герой предсказывает собственную гибель, будут написаны позднее). Отметим также, что наделение поэта провидческой функцией, на которой делает акцент автор письма, предполагает способность «читать» свою судьбу по каким-либо знакам свыше и находит прямое соответствие в рассмотренном стихотворении.

3.2. Звездное небо как враждебное начало в «Записках кавалериста»

Обнаруженная параллель между эго-документальным и художественным текстами, отражающими умонастроение автора, позволяет предположить, что жизненной основой рассмотренного стихотворения стали фронтовые впечатления и размышления поэта в период военной кампании ноября — декабря 1914 года. На это указывает и один из эпизодов четвертой части «Записок кавалериста» — автобиографических очерков, в которых Гумилев «всегда бывал предельно точен в частностях и деталях» [Степанов, 2014, с. 46]. Согласно датировке Е. Е. Степанова, интересующий нас эпизод описывает события относительно спокойной недели с 24 по 30 ноября 1914 года, когда полк Гумилева «оставался на прежних позициях в районе Кржижанова» [Степанов, 2014, с. 92] — местечка в Лодзинском воеводстве Польши. В этом отрывке также встречается образ звездного неба, который, однако, уже не редуцирован до лаконичного словосочетания «записи судеб» и представлен в развернутом описании, сохраняющем при этом связь с рассмотренным стихотворением:

«Иногда мы оставались в лесу на всю ночь. Тогда, лежа на спине, я часами смотрел на бесчисленные ясные от мороза звезды и забавлялся, соединяя их в воображении *золотыми нитями*. Сперва это был ряд геометрических чертежей, *похожий на развернутый свиток Каббалы*. Потом я начинал различать, как на затканном золотом ковре, различные эмблемы, *мечи, кресты, чаши* в не понятных для меня, но полных нечеловеческого смысла сочетаниях. Наконец, *явственно вырисовывались небесные звери*. Я видел, как Большая Медведица, опустив морду, принохивается к чьему-то следу, как Скорпион шевелит хвостом, ища, кого ему ужалить. *На мгновение меня охватывал невыразимый страх, что они посмотрят вниз и заметят там нашу землю*. Ведь тогда она сразу обратится в безобразный кусок матово-белого льда и помчится вне всяких орбит, заражая своим ужасом другие миры» [Гумилев, 2005, с. 134—135].

В данном фрагменте образ звездного неба представлен в динамике и получает подробную детализацию через ряд метафор. Вначале фигуры созвездий напоминают рассказчику свиток каббалы — эзотерического учения в иудаизме, благодаря чему ночное небо наделяется у Гумилева семанти-

кой сакрального, тайного знания, доступного только посвященным. Скорее всего, столь необычное сравнение отсылает к распространенному в каббалистических источниках и напоминающему созвездие изображению древа *сфирот* — десяти первоэлементов, соответствующих различным «стадиям эманации» Бога [Шолем, 2004, с. 457—458] и схематически представляемых в виде сфер, соединенных между собой линиями (*цинор*). Такое предположение вполне правомерно, если вспомнить об увлечении молодого Гумилева различными оккультными и магическими практиками, повлиявшем не только на мировоззрение, но и на творчество поэта (см. подробнее: [Богомолов, 1999, с. 113—144]). В воспоминаниях русской художницы О. Л. Делла-Вос-Кардовской, чьей кисти принадлежит сохранившийся портрет Гумилева 1909 года, есть эпизод, свидетельствующий об интересе молодого поэта к каббале. По словам мемуаристки, Гумилев «однажды очень серьезно рассказывал о своей попытке вместе с несколькими сорбонскими студентами увидеть дьявола. Для этого нужно было пройти через ряд испытаний — *читать каббалистические книги*, ничего не есть в продолжение нескольких дней, а затем в назначенный вечер выпить какой-то напиток. После этого должен был появиться дьявол, с которым можно было вступить в беседу. Все товарищи очень быстро бросили эту затею. Лишь один Н. С. проделал все до конца и действительно видел в полутемной комнате какую-то смутную фигуру» [Делла-Вос-Кардовская, 1991, с. 31—32].

Таким образом, Гумилев, по всей видимости, был знаком с каббалистическим учением и имел представления о его ключевых понятиях, а потому сравнение звездного неба с развернутым свитком каббалы в «Записках кавалериста» должно иметь концептуальное обоснование. В связи с этим укажем, что в еврейской мистической традиции существует своя астрологическая концепция, представленная в так называемой доктрине прообразов, согласно которой все живые существа и даже неодушевленные предметы имеют свой прообраз, или *дмут* — «глубочайший источник скрытой жизненной силы души» [Шолем, 2004, с. 160]: «Судьба каждого существа заключается в его прообразе, и каждое изменение в его состоянии имеет свой прообраз. Не только ангелы и демоны черпают свое предвидение человеческой судьбы из этих прообразов; пророк также способен увидеть их и таким образом узнать будущее» [Там же]. Прообразы в свою очередь вплетены в беснующую занавесь *паргод*: «Вся прошлая история и будущая судьба каждой души записаны в этой занавеси. Это не только мистическая ткань, образованная бестелесным эфиром, в которой фиксируется жизненный путь человека, но и обитель всех душ, вернувшихся к своему источнику» [Там же, с. 456]. Автобиографический рассказчик «Записок кавалериста», как и герой стихотворения «Священные плывут и тают ночи...», как

будто пытается увидеть эти прообразы в «полных нечеловеческого смысла сочетаниях» звезд, чтобы узнать свою судьбу, явно понимая, что прикасается в этот момент к чему-то сверхъестественному.

Если упоминание мистического учения и звездных узоров, обладающих сакральным значением, актуализирует в приведенном прозаическом фрагменте провиденциальную семантику, то мотив хрупкости бытия из рассмотренного стихотворения также получает развитие в комплексе анималистических образов — «оживших» созвездий, наводящих ужас на рассказчика и вызывающих у него страх за судьбу земного мироздания, что вполне понятно в контексте разрушений войны, очевидцем которых он был. Гумилеву удастся подробно воспроизвести процесс соединения звезд в фигуры в сознании смотрящего в небо автобиографического рассказчика, явно знакомого с астрономией. Неслучайно на ум ему приходят образы, соответствующие реальным созвездиям и их элементам (ср. «мечи, кресты, чаши» и Меч Ориона, Южный Крест, Чаша), которые затем конкретизируются в более известные — Большую Медведицу и Скорпиона.

Мотив хрупкости бытия также связывает рассмотренные произведения с ранним автобиографическим текстом Гумилева — «Африканским дневником», написанным весной 1913 года во время очередного путешествия поэта к черному континенту. С одной стороны, ночное небо в нем также наделяется сакральными чертами: «Наступила ночь, первая на море, *священная*. Горели давно не виденные звезды, вода бурлила слышнее» [Гумилев, 2005, с. 72]. С другой стороны, по ходу приближения к Африке оно не только очаровывает, но и пугает автора, становясь в его восприятии амбивалентным: «Ночь еще более *чудесна и зловеща*. *Южный Крест* как-то боком висит на небе, которое, словно пораженное дивной болезнью, покрыто *золотистой сью* других бесчисленных звезд. На западе вспыхивают зарницы: это далеко в Африке тропические грозы сжигают леса и уничтожают целые деревни» [Там же, с. 75]. Важно отметить здесь как упоминание знаменитого созвездия, на этот раз названного напрямую, так и сделанный Гумилевым акцент на усеянности неба звездами и его связь (через всполохи зарниц) со смертельной опасностью, что подкрепляет параллель с фрагментом из военной прозы. Образов ужасных чудовищ в данном случае не возникает, однако само небо олицетворяется благодаря сравнению россыпи звезд с болезнью (что, в свою очередь, перекликается с мотивом заражения ужасом из «Записок...»). Текстуальная близость двух автобиографических произведений отражает и сходство реальных впечатлений поэта, о чем он признавался в том же фронтном письме Ахматовой: «Вообще война мне очень напоминает мои абиссинские путешествия. Аналогия почти полная: недостаток экзотичности покрывается более сильными ощущениями» [Степанов, 2019, с. 89].

В итоге в «Записках кавалериста» образ звездного неба получает амбивалентную трактовку. Оно по-прежнему сохраняет провиденциальную семантику, однако теперь не предсказывает герою Гумилева счастливую судьбу, а служит предзнаменованием мировой катастрофы, метафорически воплощенной в животных фигурах созвездий. Подобная трансформация, на наш взгляд, может отражать тревогу поэта не столько за собственную жизнь, сколько за будущее охваченного войной мира, хрупкость которого в это время была предметом его творческих размышлений.

3.3. Поиск гармонии с небом: письмо Л. М. Рейснер и лирика 1916—1917 годов

Отмеченная в произведениях начала войны смысловая поливалентность образа звездного неба, взгляд на которое способен как укрепить дух героя, придав ему уверенности в будущем, так и внушить ему метафизический ужас, используется Гумилевым и позднее, причем не только в художественном творчестве, но и в личной переписке, что позволяет ему существенно трансформировать исходную семантику. Это происходит в письме к Л. М. Рейснер, отправленном с фронта 15 января 1917 года, в котором поэт явно использует эпизод из «Записок кавалериста», но приспосабливает его к задачам жанра любовного письма: «Из окопов писать может только графоман, настолько все там не напоминает окопа: стульев нет, с потолка течет, на столе сидит несколько огромных крыс, которые сердито ворчат, если к ним подходишь. И я целые дни валялся в снегу, смотрел на звезды и, мысленно проводя между ними линии, рисовал себе Ваше лицо, смотрящее на меня с небес. Это восхитительное занятие, Вы как-нибудь попробуйте» [Гумилев, 2007, с. 200].

Автор письма полностью меняет смысл исходного образа: чтобы произвести нужное впечатление на адресата, он заменяет созвездия животных на лицо возлюбленной, хотя связь между двумя текстами все равно сохраняется. Об этом говорит зимняя обстановка описываемой ситуации, а также мысленное «рисование» поэтом созвездий живых существ, которые смотрят или могут посмотреть с небес на него в ответ. И если героя «Записок...» этот зрительный контакт приводил в ужас, то для автора письма он, напротив, является очень желанным.

Конечно, необходимо учитывать, что данный эго-документальный текст написан спустя два года после событий, изложенных в «Записках кавалериста», а потому перед нами может быть не сознательное использование автором мотивно-образного комплекса из собственной прозы, а типологическое сходство двух фронтовых ситуаций, которое можно объяснить тем, что во время военных походов Гумилев, по-видимому, действительно любил смотреть на звезды и искать знакомые созвездия в ночном небе.

И все же именно биографический параллелизм двух событий, как представляется, мог напомнить поэту художественные произведения, созданные в первый год войны, во время написания письма. Ведь если ключевая для эпизода из «Записок...» тема ужаса, явно неподходящая для любовного письма, в нем полностью снимается, то центральное место занимает намеченная в стихотворении «Священные плывут и тают ночи...» тема прекрасных женщин, о которых поэт думает, находясь на войне — только теперь место Энери, Карсавиной и Ахматовой занимает Лариса Рейснер — та единственная, которой адресовано письмо.

Вместе с тем подобная трансформация семантики интересующего нас образа к концу Первой мировой войны происходит и в лирике Гумилева. Ключевое для акмеизма противопоставление земного и небесного в его стихах постепенно преодолевается через идею, что планета Земля сама является звездой — такой же, как и «мириады иных возможностей бытия, о которых мы ничего не знаем, кроме того, что они существуют» [Гумилев, 2006, с. 149], ср.: «Я знаю, что деревьям, а не нам, / Дано величье совершенной жизни, / на ласковой земле, сестре звездам, / Мы — на чужбине, а они — в отчизне» [Гумилев, 1999, с. 95]; «Земля, к чему шутить со мною: / Одежды нищенские сбрось / И стань, как ты и есть, звездой, / Огнем пронизанной насквозь!» [Там же, с. 120].

Подобный взгляд на земную реальность уравнивает ее с горним миром звездного неба, которое больше не пугает лирического героя, а, напротив, представляется ему желанным домом. Неслучайно в процитированном фрагменте Гумилев не по-акмеистически называет землю «чужбиной». Подобная переоценка ценностей вызвана в том числе разочарованием в затянувшейся войне (см.: [Гумилев, 1999, с. 368]), о чем поэт говорит в стихотворении «Год второй» (1916), завершая его выводом, далеким от пафоса своей лирики первого военного года: «Не все ль равно? Пусть время катится, / Мы поняли тебя, земля! / Ты только хмурая привратница / у входа в Божии Поля» [Гумилев, 1999, с. 99]. Можно сказать, что ценность высшей реальности, ассоциирующейся со звездным небом (неслучайно в поздних стихотворениях «Заблудившийся трамвай» (1919) и «Память» (1920) поэт использует для ее обозначения метафору «сад планет», что синонимично звездному небу), осмысливается Гумилевым к концу войны явно в полемике с акмеистическим принципом «борьбы за землю».

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, мы проследили, как конкретное жизненное впечатление — ночное наблюдение за звездным небом во время остановки полка в походном лагере — становится у Гумилева материалом для творчества

и отражает его мировосприятие в период Первой мировой войны. В стихотворении «Священные плывут и тают ночи...» мотивно-образный комплекс звездного неба редуцируется до метафорической детали «записи судеб», актуализируя провиденциальную тему и подчеркивая бесстрашие лирического героя, будто бы обладающего пророческим даром и потому знающего, что смерть обойдет его стороной. Схожие мысли поэт высказывает напрямую в письме Ахматовой, отправленном с фронта в это время. В «Записках кавалериста» данный комплекс, напротив, разворачивается до системы подробностей и деталей, усложняя исходный набор смыслов. Сравнение неба со свитком каббалы вновь сигнализирует об имплицитном стремлении рассказчика узнать свою судьбу, однако на этот раз увиденные созвездия живых существ ужасают его, напоминая о хрупкости земного бытия — мотиве, который в стихотворении, напротив, придавал герою уверенности в собственных силах.

Осмысление одного и того же события в лирическом и эпическом текстах раскрывает амбивалентность звездного неба в художественной системе Гумилева в военный период, что также было характерно и для его «Африканского дневника», являющегося, по нашему мнению, претекстом рассмотренных произведений в аспекте трактовки этого образно-мотивного комплекса. Проявление метафизического страха перед звездами могло быть отголоском реальных впечатлений поэта, постоянно подвергавшегося смертельной опасности и терявшего товарищей в боях. В то же время в этом можно видеть признаки акмеистического миропонимания, для которого ценность земного бытия стоит гораздо выше ценности бесконечно далеких и чужих звезд, познать истинный смысл которых человек не способен.

Однако в дальнейшем благодаря двойственной семантике исходный образ в текстах Гумилева трансформируется, приобретая положительные коннотации, как это происходит в письме к Ларисе Рейснер, автор которого видит в звездном небе не страшных чудовищ, а лицо возлюбленной, смотрящей на него. Подобное изменение, возникшее отчасти под влиянием разочарования поэта в затянувшейся в войне, можно наблюдать и в лирике 1916—1917 годов, в которой соотношение земного и небесного переживает эволюцию, возвращаясь к иерархии, характерной для символистской картины мира.

Перспективой исследования является анализ мотивно-образного комплекса звездного неба в поздней поэме Гумилева «Звездный ужас» (1920) [Павлова и др., 2022], соединяющей в себе все элементы рассмотренных нами текстов вместе с их функциями (олицетворение неба в образе сверхъестественного существа и оживших созвездий, мотивы взгляда на звезды, первобытного страха, смерти, пророчества, предсказания судь-

бы и т. д.) и представляющей собой итог художественно-философского осмысления поэтом символики звездного неба. Это позволит обобщить сделанные наблюдения на материале послевоенного творчества Гумилева, в котором он по-новому подходит к проблеме синтеза символистской и акмеистической картин мира.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Ахматова А. А.* Собрание сочинений : в 6 т. / А. А. Ахматова. — Москва : Эллис Лак, 1998. — Т. 1. — 988 с. — ISBN 5-88889-030-8.
2. *Городецкий С.* Некоторые течения в современной русской поэзии / С. Городецкий // Аполлон. — 1913. — № 1. — С. 46—50.
3. *Гумилев Н. С.* Полное собрание сочинений : в 10 т. / Н. С. Гумилев. — Москва : Воскресенье, 1999. — Т. 3. — 464 с. — ISBN 5-88528-164-5.
4. *Гумилев Н. С.* Полное собрание сочинений : в 10 т. / Н. С. Гумилев. — Москва : Воскресенье, 2005. — Т. 6. — 544 с. — ISBN 5-88528-463-6.
5. *Гумилев Н. С.* Полное собрание сочинений : в 10 т. / Н. С. Гумилев. — Москва : Воскресенье, 2006. — Т. 7. — 552 с. — ISBN 5-88528-481-4.
6. *Гумилев Н. С.* Полное собрание сочинений : в 10 т. / Н. С. Гумилев. — Москва : Воскресенье, 2007. — Т. 8. — 640 с. — ISBN 978-5-88-528-511-7.

Литература

1. *Богомолов Н. А.* Русская литература начала XX века и оккультизм / Н. А. Богомолов. — Москва : Новое литературное обозрение, 1999. — 560 с. — ISBN 5-86793-068-8.
2. *Букарева Н. Ю.* Феномен войны в эстетике и художественном творчестве Н. С. Гумилева / Н. Ю. Букарева, О. Е. Малая // Верхневолжский филологический вестник. — 2020. — № 3 (22). — С. 36—42. — DOI: 10.20323/2499-9679-2020-3-22-36-41.
3. *Делла-Вос-Кардовская О. Л.* Воспоминания о Н. С. Гумилеве / О. Л. Делла-Вос-Кардовская // Жизнь Николая Гумилева (Воспоминания современников). — Ленинград : Международный фонд истории науки, 1991. — С. 30—35. — ISBN 5-86050-031-9.
4. *Зобнин Ю. В.* Николай Гумилев и поэты русской эмиграции / Ю. В. Зобнин. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2020. — 720 с. — ISBN 978-5-7621-0982-6.
5. *Зобнин Ю. В.* Стихи Гумилева, посвященные мировой войне 1914—1918 годов (военный цикл) / Ю. В. Зобнин // Николай Гумилев. Исследования. Материалы. Библиография. — Санкт-Петербург : Наука, 1994. — С. 123—143. — ISBN 5-02-028055-0.
6. *Кихней Л. Г.* Акмеизм : Миропонимание и поэтика / Л. Г. Кихней. — Москва : МАКС Пресс, 2001. — 184 с. — ISBN 5-317-00292-3.
7. *Колоколова О. А.* Христианские мотивы в «Военных» стихах сборника Н. С. Гумилева «Колчан» / О. А. Колоколова // Проблемы исторической поэтики. — 2013. — № 11. — С. 311—322. — DOI: 10.15393/j9.art.2013.388.
8. *Леонтьева А. Ю.* Интертекстуальный фон стихотворения Н. С. Гумилева «Священные плывут и тают ночи...» / А. Ю. Леонтьева // Интерпретация текста : лингвистический, литературоведческий и методический аспекты : материалы X Международной

научной конференции. — Чита : Забайкальский государственный университет, 2017. — С. 128—133.

9. Лосев А. Ф. Сирены / А. Ф. Лосев // Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. — Москва : Советская энциклопедия, 1988. — Т. 2. — С. 438.

10. Павлова Т. Л. К историософским исканиям позднего Гумилева : конфликт старого и нового миропорядка в «Звездном ужасе» / Т. Л. Павлова, Л. Г. Кихней, М. Ю. Купцова // *Litera*. — 2022. — № 7. — С. 47—59. — DOI: 10.25136/2409-8698.2022.7.38425.

11. Степанов Е. Е. Поэт на войне. Николай Гумилев. 1914—1918 / Е. Е. Степанов. — Москва : Прогресс-Плеяда, 2014. — 848 с. — ISBN 978-5-7396-0321-0.

12. Степанов Е. Е. Летопись жизни Николая Гумилева на фоне его полного эпистолярного наследия : в 3 т. / Е. Е. Степанов. — Москва : Азбуковник, 2019. — Т. 2. — 864 с. — ISBN 978-5-91172-179-4.

13. Тарасова И. А. Поэзия фронтовая и поэзия тыловая : Н. Гумилев и Г. Иванов / И. А. Тарасова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. — 2015. — № 1. — С. 56—60.

14. Успенский П. Николай Гумилев как Николай Ростов : об одной житнетворческой модели поэта / П. Успенский // *Slavistična revija*. — 2017. — № 1. — С. 151—167.

15. Филатов А. В. Источниковедческий потенциал военной публицистики Н. С. Гумилева и С. М. Городецкого : между литературой и историческим документом / А. В. Филатов // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. — 2024. — № 2. — С. 122—130. — DOI: 10.20339/PhS.2.1-24.122.

16. Шолем Г. Основные течения в еврейской мистике / Г. Шолем. — Москва : Мосты культуры ; Иерусалим : Гешарим, 2004. — 510 с. — ISBN 5-93273-173-7.

*Статья поступила в редакцию 27.08.2024,
одобрена после рецензирования 07.10.2024,
подготовлена к публикации 01.11.2024.*

Material resources

Akhmatova, A. A. (1988). *Collected works: in 6 volumes, 1*. Moscow: Ellis Luck. 988 p. ISBN 5-88889-030-8. (In Russ.).

Gorodetsky, S. (1913). Some trends in modern Russian poetry. *Apollo, 1*: 46—50. (In Russ.).

Gumilev, N. S. (1999). *Complete works: in 10 volumes, 3*. Moscow: Sunday. 464 p. ISBN 5-88528-164-5. (In Russ.).

Gumilev, N. S. (2005). *Complete works: in 10 volumes, 6*. Moscow: Sunday. 544 p. ISBN 5-88528-463-6. (In Russ.).

Gumilev, N. S. (2006). *Complete works: in 10 volumes, 7*. Moscow: Sunday. 552 p. ISBN 5-88528-481-4. (In Russ.).

Gumilev, N. S. (2007). *Complete works: in 10 volumes, 8*. Moscow: Sunday. 640 p. ISBN 978-5-88-528-511-7. (In Russ.).

References

Bogomolov, N. A. (1999). *Russian literature of the beginning of the XX century and the occult*. Moscow: New Literary Review. 560 p. ISBN 5-86793-068-8. (In Russ.).

Bukareva, N. Y., Malaya, O. E. (2020). The phenomenon of war in aesthetics and artistic creativity of N. S. Gumilyov. *The Upper Volga Philological Bulletin, 3 (22)*: 36—42. DOI: 10.20323/2499-9679-2020-3-22-36-41. (In Russ.).

- Della-Vos-Kardovskaya, O. L. (1991). Memories of N. S. Gumilev. In: *The Life of Nikolai Gumilev (Memoirs of contemporaries)*. Leningrad: International Foundation for the History of Science. 30—35. ISBN 5-86050-031-9. (In Russ.).
- Filatov, A. V. (2024). The source potential of military journalism by N. S. Gumilev and S. M. Gorodetsky: between literature and historical document. *Philological sciences. Scientific reports of the higher school*, 2: 122—130. DOI: 10.20339/PhS.2.1-24.122. (In Russ.).
- Kihney, L. G. (2001). *Acmeism: Worldview and poetics*. Moscow: MAKS Press. 184 p. ISBN 5-317-00292-3. (In Russ.).
- Kolokolova, O. A. (2013). Christian motifs in the “Military” poems of N. S. Gumilev’s collection “Quiver”. *Problems of historical poetics*, 11: 311—322. DOI: 10.15393/j9.art.2013.388. (In Russ.).
- Leontieva, A. Yu. (2017). The intertextual background of N. S. Gumilev’s poem “Sacred nights float and melt...”. In: *Text interpretation: linguistic, literary and methodological aspects: proceedings of the X International Scientific Conference*. Chita: Zabaikalsky State University. 128—133. (In Russ.).
- Losev, A. F. (1988). Sirens. In: *Myths of the peoples of the world. Encyclopedia: in 2 volumes*, 2. Moscow: Soviet Encyclopedia. P. 438. (In Russ.).
- Pavlova, T. L., Kihney, L. G., Kuptsova, M. Yu. (2022). Towards the historiographical searches of the late Gumilev: the conflict of the old and new world order in the “Star Horror”. *Litera*, 7: 47—59. DOI: 10.25136/2409-8698.2022.7.38425. (In Russ.).
- Scholem, G. (2004). *The main trends in Jewish mysticism*. Moscow: Bridges of Culture; Jerusalem: Gesharim. 510 p. ISBN 5-93273-173-7. (In Russ.).
- Stepanov, E. E. (2014). *Is a poet at war. Nikolai Gumilev. 1914—1918*. Moscow: Progress-Pleiade. 848 p. ISBN 978-5-7396-0321-0. (In Russ.).
- Stepanov, E. E. (2019). *Chronicle of the life of Nikolai Gumilev against the background of his complete epistolary legacy: in 3 volumes*, 2. Moscow: Azbukovnik. 864 p. ISBN 978-5-91172-179-4. (In Russ.).
- Tarasova, I. A. (2015). Frontline poetry and rear poetry: N. Gumilev and G. Ivanov. *Proceedings of the Saratov University. A new series. Philology series. Journalism*, 1: 56—60. (In Russ.).
- Uspensky, P. (2017). Nikolai Gumilev as Nikolai Rostov: on one life-creating model of the poet. *Slavistična revija*, 1: 151—167. (In Russ.).
- Zobnin, Yu. V., Gumilev’s poems dedicated to the World War of 1914—1918 (military cycle). In: *Nikolai Gumilev. Researches. Materials. Bibliography*. St. Petersburg: Nauka. 123—143. ISBN 5-02-028055-0. (In Russ.).
- Zobnin, Yu. V. (2020). *Nikolai Gumilev and the poets of Russian emigration*. St. Petersburg: SPbGUP. 720 p. ISBN 978-5-7621-0982-6. (In Russ.).

*The article was submitted 27.08.2024;
approved after reviewing 07.10.2024;
accepted for publication 01.11.2024.*